

Волшебная тропическая ночь, вслед за закатом солнца, почти внезапно опустилась над Батавией и, благодаря ветерку, дувшему с моря, дышала нежной прохладой, казавшейся таким счастьем после палящего зноя дня. Мирады звезд зажглись на небе, и луна, круглая и полная, лила свой серебристый свет с высоты бархатисто-тёмного купола и, медленно плывя, казалась задумчивой и томной.

В эту чудную ночь, накануне Рождества Христова, белый катер с клипера «Забияка», стоявшего верст за шесть, за семь на рейде, – дожидался у одной из пристаней нижней части города господ офицеров, бывших на берегу.

Эта нижняя, «деловая» часть города с конторами, пакгаузами, лавками, складами и тесно скученными домами, исключительно населённая туземцами – малайцами и метисами, да пришлыми китайцами, ютилась почти у самого моря, кишашего акулами и кайманами, в нездоровой, сырой и болотистой местности. Настоящие хозяева острова Явы, голландцы, жили наверху, на горе, в европейской Батавии, роскошном, чистом городке изящных домов, вилл и гостиниц, тонувшем в густой зелени садов и парков, в которых выросли гигантские пальмы. Оттуда с ранней зари деловые люди спускались в малайский квартал и в десять часов утра уже возвращались домой в свои прохладные дома. Адская жара заставляла прекращать занятия, возобновлявшиеся снова за несколько часов до заката и оканчивающиеся часов в десять вечера.

Оживлённая и шумная днём жизнь в малайском квартале затихла. Огоньки в маленьких домах потухли, и узкие и грязные, прорезанные смертоносными каналами, улицы нижнего города опустели. Даже не видно было шныряющих у пристаней ночных темнокожих фей-малаек, чтобы смущать матросов всевозможных национальностей, давно не бывших на берегу, и своим более чем откровенным нарядом, и выразительными пантомимами, и острым, неприятным запахом кокосового масла, которым малайки расточительно пользуются, смазывая им и волосы, и руки, и шею. Пусто везде. Изредка лишь мелькнет громадный бумажный фонарь запоздалого разносчика всяких товаров, китайца – этого еврея почти всего востока, возвращающегося из верхнего города, от варваров, к себе домой на отдых.

Где-то вблизи на рейде, на каком-то судне пробило шесть склянок – одиннадцать часов. Туземец спит. У пристани и далеко кругом стоит мёртвая тишина с однообразным шепотом морского прибоя, который нежно лижет береговой вязкий песок. Только по временам эта торжественная, полная какой-то таинственности, тишина тропической ночи нарушается вдруг шумными всплесками, когда крокодил, после дневного крепкого сна на отмелях под отвесными лучами солнца, забавляется в воде, ловя добычу.

И снова тишина.

Русские матросы с «Забияки», катерные гребцы, в ожидании господ, находились все на катере. Лунный свет падал на их белые рубахи и захватывал некоторые лица. Несколько человек, растянувшись под банками, сладко спали. Один чернявый молодой матросик задумчиво и как-то вопросительно поглядывал то на мерцающие звезды, то на сверкающую

Константин Михайлович Станюкович РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

серебром полосу моря и видимо думал какую-то думу, судя по его напряженно-строгому лицу. По временам, когда раздавались всплески, он вздрагивал и пугливо озирался на товарищей. А человек шесть или семь собрались около кормы и, рассевшись по бортам на сиденьях, вели беседу как-то особенно тихо, почти шёпотом, словно бы боясь нарушить тишину этой волшебной ночи и точно несколько пугаясь ее жуткой таинственности. Дымок нескольких курящихся трубочек с острым запахом махорки приятно щекотал обоняние беседующих гребцов.

Кроме русского катера, у пристани не было ни одной шлюпки.

Матросы вспоминали о России, о празднике на родине, высказывали желание поскорей вернуться домой, особенно те, которые по возвращении рассчитывали на отставку или, по крайней мере, на бессрочный отпуск. Вот уж третье Рождество они встречаются в «чужих» и «жарких» местах... Опротивело... Скорей бы вернуться!

И несмотря на жизнь, хотя полную опасностей, но все-таки относительно сносную (на клипере и командир, и офицеры были люди порядочные и матросов не теснили) и сытую, каждого из матросов тянуло туда, на север, на далекую родину с её бедами и нуждой, с покосившимися избами, соснами и елями, снегом и морозами.

После этих воспоминаний все как-то притихли. Несколько минут длилось молчание.

– Гляди... Звезда упала... Ещё... И куда она падает, братцы? – тихо спросил чернявый матрос.

– В окиян, известно. Опречь окияна ей некуда упасть! – отвечал пожилой здоровый матрос уверенным тоном.

– А ежели на землю? – спросил кто-то.

– Нельзя, потому всё как есть расшибет. По самой этой причине Бог и валит звезду в море... Туда, мол, тебе место...

Чернявый матросик, видимо неудовлетворенный этим объяснением, снова стал глядеть на небо.

И необыкновенно приятный грудной голос загребного Ефремова заговорил:

– Это Бог виноватую звезду наказывает... Потому звёзды тоже бунтуют... И особенно много, братцы, падает их в эту ночь...

– По какой такой причине, братец? – заодно спросил пожилой, плотный матрос.

– А по такой причине, милый человек, что в эту ночь не бунтуй, а ведай себя смирно, потому как в эту самую ночь Спаситель родился... Великая эта ночь... Нашему рассудку и не понять... И как ежели подумаешь, что родился он в бедности, пострадал за бездельных людей и принял смерть на кресте, так наши-то все горя ничего не стоят... Ни одной полушки!.. Да, братцы, великая эта ночь. И кто в эту ночь обидит младенца, – тому великое будет наказание... Так старик один божественный мне сказывал, странник. В книгах, говорит, все показано...

– Ишь ты, подлый!.. Так и мутит воду! – проговорил кто-то, когда слышался вблизи всплеск воды...

– Нешто крокодил?

– Кому другому... Гляди – башка его над водой...

Все глаза устремились на одну точку. На освещённой светом луны полосе воды видна была отвратительная черная голова каймана, тихо плывшего неподалеку от шлюпки к берегу.

– Погани-то всякой в этих местах!.. И крокодил, и акула проклятая... Сказывают, на берегу, в лесах и тигра... Однако загуляли что-то наши офицеры на берегу, братцы... Скоро и полночь... А ты, Живков, что все на небо глаза пялишь? Ай любопытно? Не про нас, брат, писано! – проговорил, обращаясь к чернявому матросику, пожилой, плотный матрос.

В эту минуту с берега вдруг донёсся чей-то жалобный крик.

Матросы притихли. Кто-то сказал:

– А ведь это дитё плачет...

– Дитё и есть... По близности где-то... Ишь, горемычный, заливается... Заплутал, что ли...

– Кто-нибудь при ём должен быть...

Жалобный, беспомощный плач не прекращался.

– Сходил бы кто посмотреть, что ли? – заметил плотный, пожилой матрос, не двигаясь, однако, сам с места.

– Куда ходить? Офицеры могут вернуться, а гребца нет! – строго проговорил унтер-офицер, старшина на катере.

– И то правда! – сказал плотный матрос.

– Что ж, так и бросить без призора младенца в эту ночь? – раздался приятный тенорок загребного Ефремова. – А ежели он один да без помощи?... Это, Егорыч, не того... неправильно...

– Я мигом вернусь, Андрей Егорыч, только взгляну, в чём причина! – взволнованно проговорил чернявый матросик. – Дозвольте...

– Ну, ступай... Только смотри, Живков, не забудись...

– И я с ним, Егорыч! – вымолвил Ефремов.

И оба матроса, выскочив из катера, бегом побежали по пустынному берегу на плач ребёнка...

И очень скоро, почти у самого моря, они увидели крошечного черномазого мальчика в одной рубашонке, завязшего в мокром рыхлом песке.

Около не было ни души.

Матросы удивленно переглянулись.

– Эка идола!.. Эка бесчувственные!.. Бросили ребенка... Это, брат Живков, неспроста... Погубить хотели младенца... Тут бы его крокодил и сожрал!.. Гляди... Ишь плывет... Почувствуй, видно...

И Ефремов взял на руки ребёнка.

– А что же мы с ним будем делать?

– Что делать?... Возьмем на катер... Там видно будет!.. Ну ты, малыш, не реви! – ласково говорил Ефремов, прижимая ребёнка к своей груди. – Это сам Господь тебя вызволил...

Велико было изумление на катере, когда минут через десять вернулись оба матроса с плачущим ребёнком на руках и рассказали, как его нашли.

Унтер-офицер не знал, как ему и быть.

– Зачем вы его принесли? – строго спрашивал он, хотя сам в душе и понимал, что нельзя же было оставить ребёнка.

– То-то принесли! И ты бы принёс! – мягко и весело отвечал Ефремов. – Ребята, нет ли у кого хлеба?... Он, може, голоден?..

Все матросы смотрели с жалостью на мальчика лет пяти. У кого-то в кармане нашёлся кусок хлеба, и Ефремов сунул его малайчонку в рот. Тот жадно стал есть.

– Голоден и есть... Ишь ведь злодеи бывают люди!..

– А все-таки, ребята, нас за этого мальчонка не похвалят! Ишь пассажир объявился какой! – снова заметил унтер-офицер.

– Там видно будет, – спокойно и уверенно отвечал Ефремов. – Может, и похвалят!

Ребёнок скоро заснул на руках у Ефремова. Он прикрыл его чехлом от парусов. И его некрасивое, белобрысое, далеко не молодое лицо светилось необыкновенной нежностью.

Скоро приехали с берега в двух колясках офицеры. Веселые и слегка подвыпившие, они уселись на катер.

– Отваливай!

– Ваше благородие, – проговорил старшина, обращаясь к старшему из находившихся на катере офицеров, – осмелюсь доложить, что на катер взят с берега пассажир...

– Какой пассажир?

– Малайский, значит, мальчонка...

Так как прикажете, ваше благородие?..

– Какой мальчонка? Где он?

– А вот спит под банкой у Ефремова, ваше благородие...

И унтер-офицер объяснил, как нашли мальчонку.

– Ну что ж?... Пусть едет с нами... Фок и грот поднять! – скомандовал лейтенант.

Паруса были поставлены, и шлюпка ходко пошла в полветра на клипер.

Ефремов уложил найдёныша в свою койку и почти не спал до утра, поминутно подходя к нему и заглядывая, хорошо ли он спит.

Наутро доложили о происшествии капитану, и он разрешил оставить мальчика на клипере, пока клипер простоит в Батавии. В то же время он дал знать о ребёнке губернатору, и маленького малайца обещали поместить в приют.

Неделю прожил маленький найдёныш на клипере, и Ефремов пестовал его с нежностью матери. Мальчику сшили целый костюм и обули. И когда накануне ухода полицейский чиновник приехал за мальчиком, матросы через боцмана просили старшего офицера испросить у капитана разрешение оставить найдёныша на клипере.

И Ефремов, успевший за это время привязаться к мальчику, ждал капитанского ответа с тревожным нетерпением.

Капитан не согласился.

Долго потом Ефремов вспоминал Рождественскую ночь и этого чуть было не погибшего мальчика, успевшего найти уголок в его сердце.

1892

